

Вырезка из газеты

УЧИТЕЛЬСКАЯ
ГАЗЕТА

от . . . . .

г. Москва

- 5 АВГ 1980

1911 - 10 000

Рыжий разбойник Огонь полюбил Воду холодную. Но неизвестный Огню на воде жениться: и она его погасит, и он ее иссушит. Заметался буйный Огонь по белу свету, пожарами разбушевался от горя. Да повстречался ему мастеровой человек. Иваном его звали. Узнал про беду Огня и говорит:

— Не тужи, Огонь. Пожено я тебя на воде ледяной. Но для этого нужно мне дом для вас построить.

И построил Иван котел-терем. Зажили в нем Огонь с Водой дружно и весело: и он ее не сущит, и она его не гасит. А сын их Пар богатырем вырос да невиданные чудеса стал творить. На телегу сядет, телега его силой покатится да еще сто других телег поездом повезет. На корабль ступит Пар-чародей — убийц паруса, без ветра корабль катится. На завод пожалует — колеса завертил, где сто человек работали — одного хватает. Не меркнет слава о русском мастеровом человеке. Весь свет знает, как сосватал он холодную Воду за Огнь, а их сына-богатыря на службу людям поставил...

— Вот какую сказку придумал я об изобретении Ивана Ползунова, — заключил Евгений Андреевич Пермяк свой рассказ.

Через вещи и убранство комнат, через все, что, казалось бы, живет порознь, мы лучше понимаем людей, потому что все в доме — их продолжение, их выражение. Побывав в доме Евгения Пермяка, можно заметить, что столы, стулья, лампы явно не из магазина. В саду — кресла и столики самодельного происхождения. Становится очевидным, что хозяин дома дружит и с мастерком, и с рубанком, и с верстаком...

— Я вам похвально: мастерить я люблю и умею. А это потому, что в тринадцать лет встал к станку.

...Годы были суровые. Шла первая мировая война. Жена Пермяк, юный житель уральского города Пермь, вынужден был помочь семье. Во время каникул он стал приходить на завод, где работала родня. Первые прикосновения к настоящему труду не были в тягость. Напротив, рабочая одежда, руки, пахнущие мазутом, тепло только что изготовленной детали — все наполняло мальчишку гордостью раннего познания. А когда кончались каникулы, он снова приходил в гимназию и там продолжалось обучение мастерству «на все руки». Директором гимназии был генерал в отставке и в опале, свою новую работу он любил и исполнял ее как призванный педагог. Уроки труда генерал ставил во главу угла, хотел, чтобы учеников они делали нравственно выше, а гимназии приносили материальную пользу.

— Вот, скажем, сделали мы, гимназисты, табуретки, — вспоминает Евгений Андреевич, — их продают на рынке — ученики к продаже никакого отношения не имели — допустим, по политику штука. Но если чью-то табуретку за эту цену не купят, а купят дешевле, то тому, кто ее сделал, оценка снижается. Вот такая наука была — честная и справедливая.

После гимназии жизнь Евгения Пермяка поначалу складывалась так, что ему приходилось быть то подручным кондитера, то уполномоченным по продразверстке, то инструктором по культурно-массовой работе, то журналистом. И все не лишилось, тем более для писателя. Про писательскую память кто-то сказал, что она является главной кладовой литературного таланта. Такой кладовой стал для Евгения Пермяка его Урал, память о родном и близком. За сорок с лишним лет работы в литературе Евгений Андреевич ни разу не увел своих героев с уральской земли, хотя книги рождаются по-разному и на разных дорогах подсматривает писатель сюжеты будущих произведений.

Вот, к примеру, роман «Старая ведьма».

своем писательском кредо Евгений Андреевич.

И мы, читатели, не представляем творчества прозаика вне публицистики. Даже его сказки. Собственно, сказочность — составная часть всех художественных произведений Пермяка. Элементы народной выдумки, волшебства тонко вводят он в реалистическое повествование. И это художественное решение придает его прозе колорит и занимательность, отводит от образов плакатность, «агитку». Сказки внутри романов и сказки «Как таковые» — любимый жанр писателя, и сколь бы ни были они волшебны и фантастичны, от жизни они не отделимы.

— Я не люблю бессмысличных сказок, сочиненных без всякой идеи, — говорит Евгений Андреевич о своем отношении к

стойчивого человека. Таков «Фока — на все руки дока», такова умная Машенька, сумевшая из «кусачей» крапивы соткать «хитрое полотно», и многие другие герои Пермяка.

Но есть еще одна особенность его детских книг. Многие сказы — это занимательные по выдумке иллюстрации народных мудростей, пословиц и поговорок: «Семь раз отмерь — один раз отрежь», «Бережливым быть хорошо, а добрым лучше» и даже такой «взрослой» мудрости, как: «Не та мать, которая деток народила, а та, что их вскормила, вспомила да на ноги поставила». Надо сказать, что, адресуя свои сочинения детям, Евгений Андреевич не боится говорить с ними как со взрослыми. Среди детского, простодушного текста иной раз встретится фраза, смысл которой по-настоящему ясен только для человека с жизненным опытом: «Наступило самое страшное из самого страшного, которое только бывает на свете: Вова остался один. Один-одинешенек» или: «У всех все есть, а у каждого чего-нибудь да не хватает»... Может возникнуть вопрос: а стоит ли говорить детям истины, которые в силу своего возраста они до конца не поймут, нужно ли утруждать их размышлениями о серьезности жизни?

— Это нужно делать обязательно, если мы не хотим воспитать легокрылых мотыльков, не знакомых с понятиями о долге, чести, порядочности, — убежден Евгений Пермяк. — Надо сказать, что для меня нет ничего труднее, нежели работа над публицистическими книгами для детей. Создавая их, я все время иду как бы по лезвию ножа, боясь оступиться, с одной стороны, в декларативную трескотню, с другой — в назидательное «сю-сю». Я не знаю ничего каторжнее тьмы переписок страниц для детей. Один мой коллега сказал о моей детской публицистике: «Хрестоматийная простота». Я не спорю, но про себя знаю, что «хрестоматийная простота» не порок, а достижение, если она кому-то удается...

Удается ли что-то писателю — о том судит читатель. А читают Евгения Пермяка не одно поколение юных и взрослых. Многие его книги, а их у писателя около двухсот, переведены на языки других народов. Год назад вышло четырехтомное собрание сочинений писателя, в котором есть сказка-притча о чудесном певце. Он пел не только красиво и задушевно, но и красочно — на все цвета радуги. Розовую песню с весенне-зеленым отливом любили слушать юноши и девушки. Алая песня с синей каймой раздумья и серебристыми прожилками мудрости очень нравилась людям пожилым. А певцу хотелось спеть такую песню, которая полюбилась бы сразу всем. Но такой песни у него не получалось. И тогда Солнце сказало певцу:

— Мильй мой! Если бы всем нравилось одно и то же, тогда бы остановилась жизнь... Тогда бы тебе незачем было писать новые песни...

Книги Евгения Пермяка многоцветны, как песни его героя Т. ПОСЫАЕВА.

НА ВСЕ ЦВЕТА РАДУГИ

Заметки о творчестве Евгения Пермяка

рассказывает о том, как человек преодолевает «вещизм», явление ныне, к сожалению, распространенное. Незаметно, — исподтишка частно-собственнический инстинкт затягивает в свои сети сталевара Василия Киреева, низводя его до уровня откровенных стяжателей. Но наступил момент, когда Киреев почувствовал, что задыхается, что вещи опутали его по рукам и ногам, и он уже не свободный человек, а раб предметов, которые для настоящего счастья, может быть, нужны не все.

Эта книга мною выстрадана, — признается писатель. — Поверьте мне, стяжательство «вседмее всех ведьм». Это я знаю по себе. Когда-то я увлекся строительством дачи и потом оказалось, что не я вней живу, а она во мне. Я расстался с моей поработительницей и впоследствии написал роман «Старая ведьма», герой которого отдаленно повторил мою «трагедию» со счастливым концом...

Откровенная, прямая публицистика — отличительная черта творчества Пермяка. Тенденция в лучшем смысле этого слова его роман «Последние заморозки» о невозможности жизни без «взаимного излучения теплоты»; тенденции книги «Царство Тихой Лутонии» и «Сольвинские мемории», развенчивающие сентенции политических жонглеров Запада о примирении порабощенных и поработителей; тенденции «Сказка о сером волке», рассказывающая о человеке, который потерял все и не может возвратить для себя ни одной радости, потому что твердо уверился в зверином законе «человек — человеку волк».

— Я не представляю и не представляю теперь, как можно написать что-то вне политической, вне общественной жизни народа и страны, — говорит о

этому жанру. — Я не педагог, хотя и закончил педагогический факультет Пермского университета. Но писатель — учитель особого рода. Во всяком случае литературная деятельность смежна с педагогической, а иногда и неразделимо слитна с ней. Поэтому откровенная публицистика не оставляла меня и в литературе для детей.

Первые юные друзья Евгения Пермяка давно уже люди взрослые. А в тридцатых годах они читали детский журнал, который издавался при его участии, — «Делай все сам». В сорок шестом году писатель дебютировал в детской литературе книвой «Кем быть?» — результат поездки Евгения Андреевича со своим другом и учителем П. П. Бажовым по Уралу. Эта книга подлинный гимн человеку-труженику, мастеру — «золотые руки».

Без труда нет красоты человека, без искусства нет величия его дел — такова формула многих детских произведений Пермяка, воспевающих людей мастеровых, смекалистых, дотошных до рукотворчества. Это не случайно, потому что сам Евгений Андреевич всю свою жизнь, которая приближается к 80-летию, не расстается с рабочим инструментом. Продолжая себя в литературе, он стремится раскрыть перед маленьким читателем позицию главного содержания жизни — труда, в сказочных увлекательных формах рассказать об удивительных и простых вещах. Например, о нитках, которые по желанию неряшливой старушки исчезли, и вместе с ними исчезли одеяла, платья, ковры и шали; или о волшебных красках, которыми поначалу не мог воспользоваться даже «самый добрый из самых добрых мальчиков», потому что с красками, и с обычным топором или швейной машинкой и даже просто с глиной могут творить волшебство только «руки трудолюбивого, на-